

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Крюков Алексей Михайлович

**Ученая традиция и провинциальные реалии
в гомилиях митрополита Афинского Михаила Хониата
(1182–1205 гг.)**

ПРИЛОЖЕНИЯ

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история
(Средние века)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители —
академик РАН, профессор
С.П. Карпов;
доктор исторических наук,
профессор И.С. Чичуров

Москва — 2015

ИЗБРАННЫЕ ОГЛАШЕНИЯ
МИХАИЛА ХОНИАТА

ОГЛАШЕНИЕ VIII

1. Следовало бы мне, братия, не только в каждое обращение года посвящать вам сие собеседование, как если бы я просто покорялся обычаю или по-иному сообщивался со временем. Ибо учительному мужу, каким представляет богодухновенный апостол нашего епископа (1 Тим. 3, 2), подобает не столь редко подавать голос, но, напротив, почаще обращаться к вам с беседами, почти ежедневно напоминая о спасительных заповедях Христовых. Отраднее было бы, если бы он, прибегая к столь бессильной речи, как тупому жалю, всё-таки оказался в состоянии обратиться к небрежущим о своем спасении. Однако никакое слово не имеет силы предлагать из дурного состояния в дельное, если только оно не подкрепляется Духом или не настроено духовной жизнью, какова, конечно, и наша речь, исходящая не из уст отверстых и исполненных Духа¹, не закаленная и не укрепленная созвучным ей житием. Потому-то и следовало бы нам чем менее удовлетворительно говорим, тем чаще звучать, чтобы недостаточность слова восполнялась непрерывностью беседы.

2. Но поскольку мы как прочие обязанности своего обетования не в точности исполняем, так и сии учительные слова произносим не менее лениво и редко, то надлежит мне хотя бы настоящую ежегодную беседу произнести возможно старательнее, вам же слушать ее с большим воодушевлением и, так сказать, неотступностью, радуясь, по словам божественного Иова, егда к вам глаголю, и *якоже земля жаждущая ожидает дождя, тако и вы моего глаголанья* (Иов 29, 22–23). Лучше всего, если бы вы ожидали проповеди как некоего *дождя раннего и позднего* (Иак. 5, 7), и *глаголы мои* сходили бы *яко роса* (Втор. 32, 2), или подобно *реке Божией* мы *наполнялись вод* (Пс. 64, 10), вы же, часто в году освежаясь дождем и орошаясь, тучнели и нашими *устремлениями*, как град божий, *веселились* (Пс. 45, 5). Но поскольку это весьма для нас тяжело, не знаю, по моей ли небрежности или из-за моей и вашей постоянной занятости текущими делами, то довольно, если и поздно предлагаем вам эти годичные скудные дары, или, как некий зимний поток, наполняемся водой из года в год, да и то не разливаясь и не выходя из берегов.

3. Мы — словесные облака, исходящие *от последних земли* (Пс. 134, 7) и гордящиеся видом полноты, но неспособные пролиться дождем и лишенные вод небесных, а, напротив, безводные и гонимые ветром. И хотя мы желаем, согласно пророчеству, быть и называться реками, подобными Нилу, однако течем лишь скромно и по временам, наподобие нашего местного Иласса или Кифисса, нуждаясь во многом, если не сказать — во всем. Но из-за того не грозит вам опасность претерпеть подобное тому винограднику, о котором говорит Бог: *и облаком заповем, еже не одождити на него дождя* (Ис. 5, 6), — конечно, ради того, что вместо гроз-

дей сей виноградник породил тернии, а его лукавые возделыватели, заслужившие страшной гибели, сплетя на поругание терновый венец, увенчали им наследника и Господа (Мф. 21, 41; 28, 29). Вас ведь и облака пророческие орошают, и реки апостольские напояют.

4. Но что говорю об облаках и реках? Ведь целые водопады небесные, священные Евангелия, только что не затопляют вас ежедневно во спасение. Не говорю уже о насыщенных ими и никогда не иссякающих реках, текущих из Каппадокии, Сирии и иных мест и напоевающих *все лице земли* (Быт. 2, 6). Сами знаете Василиев, Григориев и златоструйных Иоаннов, из коих иной иным образом всякий раз журчит у сего церковного луга, и нет отказа желающим напиться досыта... словно из непригодной для питья Мерры — иной сладчайший Силоам². Почерпываю отсюда и я, как *от источников спасения* (Ис. 12, 3). Ибо если некоторые, разбирая свойства вод, хвалят те, источники которых бьют на востоке³, то как же и мне не восхищаться сими словесными источниками, отверстыми навстречу *Солнцу правды* (Мал. 4, 2)? Посему если вы, напояемые столькими и такими потоками, не принесете плодов Христу, то со временем услышите следующее: *Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого концец — сожжение* (Евр. 6, 7–8).

5. Но чтобы не услышать сего и не испытать, будем внимать речениям Духа, напоять души свои и произращать злак благопотребный, и прежде, чем наступит оное конечное сожжение, станем *судить себя самих* (1 Кор. 11, 31) и *испытывать* (2 Кор. 13, 5). И кто на основании веры воздвиг *золото, серебро или драгоценные камни* (1 Кор. 3, 12), пусть затем не дремлет, как уже всё совершивший (Лк. 17, 10), но украшает и охраняет строение добрых дел и бодрствует над сохранением его (Лк. 12, 39), сознавая, что долгим трудом приобретенное иногда теряется от краткого небрежения. На это указывая, и Соломон говорил: *В леностех смирится строп, и в празднестве рук прокаплет храма* (Еккл. 10, 18). А кто на основании веры нагромоздил *дерево, сено, солому* (1 Кор. 3, 12), пусть не выжидает того огня, который, сжигая, обличает суетную постройку и наказывает того, кто столь неосмысленно строил, но, внимая Екклесиасту, который говорит: *время разрушати и время созидати* (Еккл. 3, 3), сам пусть поспешно для своего блага разоряет то, что строил себе во вред, сам пусть без ущерба себе или даже с пользой сжигает то, что во всяком случае будет пожрано конечным огнем, и пусть строит то, что сожжению не подвергается.

6. Теперь испытай себя всякий и смотри! Если ты украсил свою веру во Христа девством, как золотом, или целомудренным браком, как серебром, или милостынями, как драгоценными камнями, то и подобное нечто сознавая за собой, не разленивайся и *не неради* (1 Тим. 4, 14) об усовершенствовании, но продолжай делать и по возможности исправлять. А если, может быть, ты посрамил веру свою, при-

ложивши к ней блуд, как дерево, или несправедливость, как сено, и роскошество, как солому, то для чего бережешь худое это вещество для неусыпающего огня? Почему не судим себя самих, чтобы не быть осужденными (1 Кор. 11, 31)? Упредим Судию и прежде, чем потечет та *река огненна* (Дан. 7, 10), истребим подлежащие огню вещества. Осудим сами себя и собственным приговором себя накажем, добровольно в нынешнем веке назначим себе наказание, чтобы в будущем против воли не подвергнуться большему. Зажжем огни, истребляющие негодное вещество, то есть пост, целомудрие, молитву, благодать. Девство, несущее светильник, как и целомудрие, имеет силу пожигать блуд и прелюбодеяние, подобно тому, как сшедший с неба огонь потребил мерзкие дела Пятиградья (Быт. 19). Пост пожигает колючки, растущие от обжорства, раздачами же можно с удобством истреблять сор, накапливаемый несправедливостью; а накопление суетных забот, коими связывается и подавляется ум, кто в состоянии уничтожить так, как молитва? Возжжем же сии священные огни и предадим огню легко сжигаемые вещи, чтобы иметь возможность на основании веры назидать золото, серебро, камни драгоценные и всё прочее, что неподвластно огню.

7. И правда, не следует нам уповать только на основание веры. Всякое основание бесполезно и бесцельно, если сверх себя не имеет и остальной постройки и надо всем возвышающейся кровли. Потому-то и назвал Христос смешным человека, предпринимающего строение башни и не имеющего *что нужно для совершения ее* (Лк. 14, 28–29). Между тем я часто и от многих слышу, что спасти человека может и одна вера без добрых дел. Думаю, уместно будет сказать нечто говорящим так. О люди! Не спасает человека одна только вера, когда не создаются на ней и дела, приличествующие вере. Ибо говорит [Спаситель]: *идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам* (Мф. 28, 19–20). Слышите? Не остановился Он, сказав *крестя их* (ибо это было бы делом одной веры), но прибавил: *уча соблюдать всё, что Я повелел вам*. Итак, если бы одного крещения было достаточно для спасения, то соблюдение заповеданного излишне. Но не учит самосуцая Истина (Ин. 14, 6) ничему излишнему или бесполезному. Следовательно, не спасает человека одна вера, без дел. Крещение есть *обрезание нерукотворенное* (Кол. 2, 11). И если бы плотское обрезание спасало преступника закона, то и нерукотворенное могло бы спасти преступающего евангельское законоположение. Но, говорит [апостол], *если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием* (Рим. 2, 25). Так и твое крещение, если будешь пренебрегать евангельскими постановлениями.

8. Но я не выскажу хулы, ибо она явна. Опять-так, сказано: *не всякий, говорящий мне Господи, Господи, — то есть верующий в Меня и признающий Господом, — войдет в Царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного* (Мф. 7, 21). *Глусии, услышите* (Ис. 42, 18)! Господь провозвестил, что в Царство небесное не войдут верующие только и не исполняющие, а вы, *от земли возглашая* (Ис. 8, 19), противоречите? Что же, и пророчествовавшие во имя Господне и бесов изго-

нявшие разве без веры творили многие чудеса? Этого вы не скажете. Почему же они услышат от Спасителя: *«Я никогда не знал вас»* (Мф. 7, 23)? Не ясно ли — потому, что к вере не приложили собственных дел? А отсылаемые во внешний огонь за неверие ли осуждаются, или за то, что не кормили алчущих, не поили страждущих, странных не вводили в дом и не навещали больных (Мф. 25, 41–43)? Если Христос искал только веры, то отчего говорит уверовавшим ученикам: *если праведность ваша не превзойдет праведности фарисеев и книжников, то не войдете в царство небесное* (Мф. 5, 20)?

9. Но это немного из многого, что Христос высказал Сам. А сколько еще через Павла? *Не обманывайтесь*, — говорит он в послании к верующим в Коринфе, — *ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни воры, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9–10). Обрати внимание, что с идолослужителями он изгоняет из Царства и блудника, и вора, и пьяницу. И опять: *вера без дел мертва* (Иак. 11, 20). Увы, мертва, по слову апостола, вера, лишенная дел, — та вера, которой самая малость и величина с зерно горчичное переставляет горы (Мф. 17, 20)! Так что дела составляют душу веры, а без них вера бездушна и совершенно мертва. А какая польза от мертвого тела? И как труп повергается кое-как, когда отлетела душа, так и вера, разлученная с делами одушевляющими. Посему и в другом месте [апостол] указывает на *вид благочестия* (2 Тим. 3, 5), уподобляя некоему рисунку бездушного образа веру бездеятельную. Кроме того, если, полагаясь на веру во Христа, будем ходить во всяком беззаконии, то станем утверждать величайшую нелепость, будто Христос содеялся *служителем греха* (Гал. 2, 17).

10. Но да не будет; ибо для того умер Христос, чтобы и мы, уверовавши в Него и соединившись с Ним через крещение, умерли для греха, жили для праведности и ходили *в обновленной жизни* (Рим. 6, 4). А что же божественный Иаков? Не согласно ли с Павлом и он назвал мертвою веру без добрых дел и сказал, что *и бесы веруют и трепещут* (Иак. 11, 19)? Итак, если спасаются бесы, так как веруют и трепещут, то спасется и тот человек, который хотя и верует, но, подобно им, надмевается, обольщает, убивает людей, вводит их в заблуждение и лжет, всецело поработен неразумной похоти, бессмысленной ярости или дерзкому мечтанию, каковым страстям подлежат и бесы по словам блаженного Дионисия⁴. Но как эти отсылаются в огонь внешний, так и некоторые из верующих слышат: *идите от меня в огонь внешний, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41).

11. Но кто-нибудь, пожалуй, возразит, что вера без дел и не есть вера истинная и надежная. Ведь *сказывают, будто знают Бога, а делами отрекаются* (1 Тит. 1, 16), а сыновья Илия, сыновья священника и сами священники — *сынове погибелнии, не ведуще Господа* (1 Цар. 2, 12). Видишь, как Писание людей негодных и развращенных наименовало отрекшимися Бога и не ведающими Бога, то есть неверными? И справедливо. Почтенна вера, как начало, основание и закрепление спасения, и поистине в ней мы полагаем упование на спасение. Но если на основании

веры будем созидать не золото, серебро и камни драгоценные, а дерево, сено, солому, то постраждем при огненном испытании (1 Кор. 3, 13). Ибо кто носит мертвую личину благочестия, тот снова некоторым образом возвращается к неверию и делает лживым свое наименование верного.

12. И теперь несомненно многие из нас служат идолам; а как — вот я говорю, или, лучше сказать, не я говорю, но гремит сама великая труба истины: *умертвите земные члены ваши, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и любостяжание, которое есть идолослужение* (Кол. 3, 5). И опять: *их бог — чрево* (Флп. 3, 19). Слышите? Любостяжательный служит идолу, чревоугодник боготворит чрево свое. Первый поклоняется серебру и золоту, которые некогда были идолами языческими, серебру и золоту, говорю, самым орудиям любостяжания, и к обманчивым ухищрениям относится как к богам. *Сего ради, — сказано, — пожрет мрежи своей и покадит сеть свою, яко теми разблажи часть свою и пищи своя избранныя* (Авв. 1, 16). Второй же всё приносит в жертву чреву и богом признал чрево. Возможно, и блудник недалек от сей нелепости, так как разоряет храм Божий (1 Кор. 3, 17) и уже не носит в себе пребывающим Духа Божия, потому что стал плотию, но наполняется духом лукавым и им водится в прелести своей. *Духом блужения прельстишася* (Ос. 4, 12), — говорит пророк; и еще: *Яко дух блужения есть в них, и Господа не уведеша* (Ос. 5, 4).

13. Итак, кто искренне и твердо верует, тот любит и добрые дела; а кто не хочет творить добра, тот и в вере не стоит твердо. Ибо развращение нравов пролагает путь к неверию. Говорит [псалмопевец] *Рече безумен в сердцах своем: несть Бог*. Затем приводит он и причину такого безумия и безбожия: *Растлеша и омерзшася в начинаниих* (Пс. 13, 1). Да, скажет кто-нибудь, но как же *Авраам поверил Богу и это вменилось ему в праведность* (Рим. 4, 3)? И еще: *праведник же от веры жив будет* (Авв. 2, 4). Как и Раав блудница не погибла с неверными, поскольку поверила и мирно приняла соглядатаев? Добрый человек! Не сказал апостол, что Авраам поверил только и вменилось ему в праведность, не сказал и того, что праведный одною верою жив будет, чтобы нам веру Авраама считать лишенною добрых дел, но лишь то, что сам говорит в другом месте, а именно, что *без веры угодить Богу невозможно* (Евр. 11, 6). Так и об Аврааме и о всяком праведнике надлежит разуметь, что поверил он Богу и это вменилось ему праведность. Дела же, достойные таковой веры, он, конечно, явил и прежде, и после. Ибо не от мертвой или смердящей мертвыми делами веры жив будет праведник, и Аврааму не та вера вменилась в праведность, которая не имеет оправдания посредством дел. В самом деле, перечисли-ка мне великие дела Авраама и достойные веры его: повиновение призыванию и готовность переселиться с родины, отправление в путь при неведении того, куда идет, обитание на земле обетованной, как на чужой, жительствование в шатрах с Исааком (Евр. 11, 7–8), принесение в жертву единородного, родившегося по обетованию (Евр. 11, 17). Но кто исчислит все его добродетели? А как же Раав блудница? *Не делами ли оправдалась* (Иак. 2, 25), как объявляет брат Божий?

Не приняла ли соглядатаев, не скрыла в снопах льна? Не предпочла ли спасение их спасению своих сограждан, не выслала ли их другим путем, спустивши через окно? Так и Раав вместе с верою показала и дела превосходные.

14. Пусть будет так, — говорит, — но как же апостол в послании высказывается, что *не делами закона* оправдается человек (Гал. 2, 16)? Простое и здесь явствует разрешение. Под делами закона должно разуметь обрезание, субботствование, жертвоприношение бессловесных животных, мелочное воздержание от употребления некоторых яств, поскольку при иных делах праведности человеку, совершенному в евангельской жизни, необходимо быть и выше совершенных в законе фарисеев, как и апостолы пишут в послании к уверовавшим из язычников. *Ибо, — говорится, — угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда. Соблюдая себя от этого, хорошо сделаете* (Деян. 15, 28–29). Итак, никто не избежит геенны, если не оправдает веры своей делами, равно как и тот, кто созидает дела не на основании веры. Ибо вера совершенствуется делами, а дела упрочиваются посредством веры. Хромающий же в том или ином отношении *не прямо поступает по истине евангельской* (Гал. 2, 14), но, еще больше запутываясь (почему и сказано: свяжите ему *руки и ноги* (Мф. 22, 13)), ввергается во огонь оный. И мудрый Исайя пророчествует: *и сожгутся беззаконницы и грешницы вкупе* (Ис. 1, 31), беззаконниками называя неверных, а грешниками поступавших и живших не по вере. И не одинок, конечно, сей велегласный пророческий вопль, возглашающий так, когда и Владыка Христос грозит нечеловеколюбивых отослать в тот же огонь, что и диавола.

15. И если дрожите, слыша, что неверные и грешники будут гореть вместе, то что почувствуете, узнавши большее, а именно, что горше неверных будет наказан верующий, но не сотворивший дел, свойственных вере? Что смутились? Не мое это слово, но Самого Грядущего *судити вселенной в правду* (Пс. 95, 13). Ибо Он объявляет: *который узнал волю господина своего и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал и сделал достойное наказания, бит будет меньше* (Лк. 12, 47–48). Кто же такие — знавшие волю Господню? Не ясно ли, что наученные? Но кто же был научен, если не те, которые крестились? Крестились же те, кто уверовал. Следовательно, кто уверовал и не поступал по вере, тот наказан будет больше, чем неверный.

16. Но кто-нибудь, пожалуй, выставит против сказанного: каким образом согрешившие верующие будут наказаны горше неверных, когда в одном и том же огне вместе будут гореть и беззаконники, и грешники? Ведь, как кажется, горение тех и других вместе и в одном и том же огне говорит об одинаковой участи, тогда как то, что одни будут биты больше, а другие — меньше, указывает на неравенство наказания. Но сие недоумение разрешается священными учителями, в особенности теми из них, кто перенял от вдохновенного Петра истребление вселенной огнем (2 Петр. 3, 7–12). Ведь, говорят они, хотя и все сыны геенны в один и тот же

огонь ввергаются, однако не все равную степень мучения испытывают, но один ощущает от огня бóльшую муку, другой меньшую, соответственно прегрешениям каждого⁵. Подобным же образом и *сыны Царствия* (Мф. 13, 38) не все удостоятся в Царствии одного и того же чина, как научает нас притча, в которой приобретшему десять мин даны были в управление десять городов, а приобретшему пять соответственно даны в управление пять (Лк. 19, 17–18). Ибо многим принадлежит участь быть вверженными в одну и ту же геенну, как и никогда не освободиться от мук в геенне однажды попавшим туда. Но есть некоторое различие в том, что один наказывается меньше, другой больше, а иной и весьма сильно, смотря по тому, сколько каждый насобирал вещества для огня себе. Представим, например, что три или четыре человека находятся в горячке, но один пусть имеет внутри больше скопившейся дурной материи, от которой разгорается жар, другой меньше, а третий еще меньше. Равный ли жар, одинаковую ли боль от жара все будут чувствовать? Этого я не стал бы утверждать.

17. Итак, поскольку мы научаемся сему из священных Писаний, то устрашимся, братия, и, как было сказано, не станем уповать на одно только основание веры. Будем созидать на вере золото, серебро, камни драгоценные, а не дерево, не сено, не солому, способствующие поддержанию тамошнего пламени. А если уже и надстроили, не станем выжидать дня, который *откроет в огне и обличит* оное худое бремя (1 Кор. 3, 13); но пока есть возможность, претворим вещества — дерево в золото, сено в серебро, солому в камень драгоценный, — коль скоро и прежде превратили многоценные камни, серебро и золото в солому, сено и дерево. Ибо по природе мы и изначально созданы, и через крещение воссозданы светлыми и благородными; но, извратившись собственным произволением, самовольно уготовляемся в пищу огню. Так что, при желании, нам легко опять возвратиться к природной светлости.

18. Посему и настоящее это время поста Бог определил для покаяния, чтобы все мы отвергли дела, достойные огня, и преобразовывались к лучшей природе. И по любостыжанию обирающий бедняков пусть претворит солому неправды в милостыню, как в драгоценный камень. Сказано ведь: *Велика вещь человек, и драгая муж творяй милость* (Притч. 20, 6). А кто, подобно Давиду, *уязвлен, яко трава*, блудной страстью и иссох сердцем (Пс. 101, 5), пусть снова даст побегу целомудрия. Пусть, подобно серебру, будет извлечен из земли и переплавлен Богом, плавящим нас в огне, как плавят серебро, и отразит пламя пламенем, разжигающее похотью — очистительным и испытательным. Если кто блюдет телесную чистоту, но в душе запятнан скверной, или же и телом воспламеняется, сжигаемый страстью, как дерево, так что дереву отчасти подобно и его безбрачие, пусть претворит его в златое девство, совершенно непорочное.

19. Вот какие *изменения десницы Всевышняго* (Пс. 76, 11) обещает пост, вот какие преобразования дарует Бог посредством поста, как и боговдохновенный Малахия пророчески возвещает: *се, грядет, глаголет Господь вседержитель. И кто*

стерпит день пришествия его? и кто постоит в видении его? зане той входит яко огонь горнила и яко мыло перущих. И сядет разваряя и очищая, яко серебро и яко золото (Мал. 3, 1–3). Ибо так предсказано пророком о втором пришествии Господа, когда в огне откроется и огонь испытает дело каждого, каково оно есть (1 Кор. 3, 13); но, возможно, не худо было бы понимать сие и о нынешнем времени. И ныне, в это время, данное на покаяние, входит Господь, как огонь расплавляющий и щелок очищающий, и восседает, переплавляя и очищая нас, как серебро и золото. Ибо и в нынешнем веке...

⟨...⟩

Е1. ...*моление* ваше, *не услышу вас* (Ис. 1, 15). А также: *Не сицеваго поста аз избрах* (Ис. 58, 5). Итак, согласно пророческому слову, евангельские пост и молитва, а во все не законные, способны очищать от грехов. И способность их к очищению настолько велика, что пост, как бы бьющий ключом из глубины, не только внутреннего человека заставляет светиться, но и внешнего, налагая на видимый облик отблеск своего собственного сияния: голову, умасленную елеем, и умытое лицо. Напротив, последователи закона, как некую мрачную тень внутренней черноты, выставляют напоказ унылость лиц, скрытых чернейшим ночи облаком мрака.

Е2. А если говорить о молитве, то наша, как было сказано, представляет собой подлинный огонь, уничтожающий любые пятна, иудейская же не такова. Посмотрим, как молятся фарисей и мытарь, один по-иудейски, другой — по-евангельски, и как первый остался нечистым перед Господом из-за своего высокомерия, другой же, *сокрушенный и смиренный* (Пс. 50, 19), благодаря своей молитве заслужил оправдание. Ведь, опаляемый изнутри печалью по Богу, словно *огнем горнила* (Мал. 3, 2), стенал, так что стенание возносилось, как дым, и *ударял себя в грудь* (Лк. 18, 13), словно молотом по звонкой наковальне, и так до тех пор, пока, раскаленный, как очищенное золото, не ушел оправданным. Фарисей же, делая вид, что молится, не ведал, для чего пришел в храм. В безумии своем несет он вздор и испускает пузыри хвастовства, наполненные духом гордости.

Е3. Хотите послушать, как он молится, или, вернее сказать, бахвалится? *Боже! благодарю Тебя*. Замысел молитвы ложен, и эта изначальная ложь обращает в прах доверие всей дальнейшей похвальбе. Ибо как можно благодарить [Бога], не веря, что именно от Него ты получил то, что, по твоему мнению, является преимуществом? А если бы верил в это, то не хвалился бы, словно не получивший, и не кичился превосходством над лежащим на земле мытарем, полагая, что сам стоишь на ногах, а рассудил бы, что Давший тебе сие когда-нибудь и ему позволит подняться и встать. *Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди*. Если бы ты сказал: «Благодарю Тебя, сделавшего меня отличным от других людей», — или «подавшего помощь», или «благоволившего мне», — то и в этом случае не вознес бы такого благодарения, которое очищает от хвастовства, но твое благодарение имело бы благовидный предлог, поскольку ты относил бы на счет Бога свои достижения. Теперь же, когда ты, по твоим словам, благодаришь за то, что

не только являешься *грабителем, обидчиком, прелюбодеем*, но и *постишься два раза в неделю, даешь десятую часть из всего, что приобретаешь*, то приписываешь себе и воздержание от зла, и обладание благом. Так что же ты благодаришь Бога за свои достижения, если не признаешь его своим помощником в достижении оных благ? Ты поистине превратил храм в сцену, разыграл новое действо, и, облачившись в личину молящегося, сам не заметил, как, неумеренно хвастаясь и воспевая чужие грехи, устроил из собственной молитвы посмешище. Ты утверждаешь, что благодаришь, но дальнейшие слова обличают твою неблагодарность, прикидываешься молящимся и благодарящим, но выглядишь смешным.

Е4. *Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди.* Это, по крайней мере, верно: ведь если бы ты был подобен нам, прочим людям, то знал бы, что никтоже *чист будет от скверны, аще и един день житие его на земли* (Иов 14, 4–5). Слышал бы и следующее: *Кто похвалится чисто имети сердце?* (Притч. 20, 9), а также: *вся правда человека якоже порт нечистыя* (Ис. 64, 5). И еще: *небо же нечисто пред ним, кольми паче мерзкий и нечистый муж* (Иов 15, 14–15). И *яко не оправдится пред тобою всяк живой* (Пс. 142, 10), и *ибо я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь* (1 Кор. 4, 4). Но ты забыл о человеческой немощи и вообразил себя выше всех людей, почему и говоришь: *я не таков, как прочие люди.* А следовало тебе быть *как прочие люди*, — тогда бы ты не впал в ослеплении своем во грех сатаны. *Я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики.* А вот это ложь. Не мое дело знать, действительно ли ты ничего ни у кого не похитил, а вот тебе должно быть известно, истину ли ты говоришь, оправдывая себя, хотя и справедливое оправдание не может совершенно избежать тяжести [подозрений].

Е5. Впрочем, пусть будет так: ты ничего ни у кого не похитил, как какой-нибудь грабитель. Что же так превозносишься? Поистине, фарисей слепой, ты смотришь на сучки в глазах людей, *а бревно в своем глазу не чувствуешь* (Мф. 7, 3). Они похищают ниву или скот, или какое-нибудь имущество человека смертного, а ты незаметно предвосхищаешь суд и приговор Божий, когда осуждаешь всех людей как хищников и обидчиков, а себя, как не такого, увенчиваешь высшим венцом праведности или, лучше сказать, цветами сонных мечтаний. Значит, хорошо сказал ты: «Я не такой хищник, как другие люди»: ты хищник неслыханный, намного превосходящий жестокостью обычного разбойника, поскольку хищный человек похищает некое человеческое имущество, ты же присвоил себе Божие право вершить суд.

Е6. Итак, не напрасно сказано, что *возгордившийся подпал осуждению с сатаной* (1 Тим. 3, 6). Ведь как тот похвалялся поставить престол свой *выше облак* и быть *подобным Всевышнему* (Ис. 14, 14), так и ты делаешься супротивником *Судящему всей земли* (Быт. 18, 25), предвосхищаешь приговоры Его и всех презираешь. Никто не избегает осуждения, и только себя признаешь ты неповинным; себе присвоил всякую праведность и не даже мытаря, сокрушенного сердцем, не удостоил пощады в сердце своем. Ты не сжалился над мужем ради его смирения,

видя человека с поникшим взором, по собственной воле осуждающего себя и готового понести наказание, ударяющего в грудь, признающего себя грешником и возливающего свой елей перед Богом, но еще и сам оскорбил его, говоря: *Или как этот мытарь* (Лк. 18, 11). О, как *всегда гордится си возгорался* скорбью нищий духом мытарь (Пс. 9, 23)! Итак, справедливо, что он, обвинивший себя в *первословии* (Притч. 18, 17), вышел оправданным, а ты, вознесясь в безумии, осужденным упал стремглав из дома молитвы, как денница — с неба (Ис. 14, 12).

Е7. Приметили различие между молитвою иудейской и евангельской? Итак, первой избегайте, а вторую возлюбите. Никто пусть не колеблется входить в сие священное место и, подобно оправданному мытарю, приносить моления и умилоствлять божество *воздыханиями неизреченными* (Рим. 8, 26), ударениями в перси и коленапреклонениями. Никто пусть не приносит молитвы, имеющей запах фарисейской закваски; никто пусть не считает себя чистым, чтобы помолиться с чистою совестью. Все будем считать и называть себя грешниками, и выйдем оправданными. Ныне время смыть нам приставшие в продолжение целого года пятна и очистить всякий член души и тела. Ныне время угасить буйный пламень гнева и потушить неудержимый огонь похоти, если только памятованием о смерти возжжем огонь другой, сильнейший, и истребим терния плотских удовольствий и житейских забот, если дадим бедному уму отдохнуть от попечения о вещах суетных, поддерживая его чтением и молитвою, как двумя руками. Позабудем о пище, внимая, как толпы народа, учению Иисуса.

Е8. Но не только чрево смирим постом, не только бездонную пропасть гортани оградим воздержанием, но и остальные члены приведем в порядок. Воспитаем глаза и наставим их бросать взоры не для того, чтобы прельщаться или лихоимствовать, смотреть с пустым любопытством или с вожделением запечатлевать образы красоты. Могучие проводники блуда — глаза, распущенно глядящие, так как они *исполнены любострастия* (1 Петр. 2, 14) и собою, как дверями открытыми, привлекают злую похоть, предавая [врагу] твердыню разума. Или, вернее, если даже какая-либо скверна успела через глаза вторгнуться в душу, то затопим ее слезами, и как врачи лечат противным противное, так и мы станем врачевать самих себя. Запал ли посредством очей в душу какой сладостный образ? Источим поток слез, как отлив, и выведем зло обратно. Слеза солоновата, но бывает сладостным врачеванием горького удовольствия, если горькими слезами очищаемся мы от того, что загрязнили посредством лукавых взглядов. Так и очи блаженного Давида изводили *исходища водная* (Пс. 118, 136), когда он бросил нечистый взор на прекрасную Вирсавию.

Е9. Опять-таки, ты на благоденствие соседа взглянул очами завистливыми? Посмотри теперь кротко и дружественно. Смотрел криво, часто неправильно? *Смотри право* (Притч. 4, 25) и, как выражается Соломон, *кротко* (Притч. 12, 13а), чтобы обрести помилование; *отврати очи свои, еже не видети суеты* (Пс. 118, 37), и возведи их молитвенно к *Живущему на небеси* (Пс. 122, 1).

Е10. Очистим и уши! Ведь и их мы не содержим в чистоте, но и через них принимаем в себя множество грязи: вести кощунственные, слова гнилые, беседы смехотворные, речи постыдные или лживые, клевету, поношение, обман, наушничество. Вот какое месиво скверны проникает посредством слуха. И он служит иным дурным входом для смерти. И если кто не приставит к слуху страха Божия, подобно тому, как борцы в старину прибегали к так называемым наушникам⁶, тот примет в него бесчисленные удары от свирепого кулачного бойца, и не ушами только пострадает, что было бы еще небольшою бедою, а и в самую душу устремится зло. Не оттого ли погибли и родоначальники? Ибо Ева, послушав лукавых речей змия, через слух приняла смерть. А если бы затворила слух для губительного совета, то не посмотрела бы с жадным любопытством на запрещенное древо, не прикоснулась бы, не вкусила, не дала бы и мужу своему.

Е11. Итак, к слуховым сим вратам приставим страх Божий, как некоего разумного привратника. Он пусть закрывает вход для коварных и губительных речей, открывает же для глаголов божественных. Если пытается пробраться внутрь слово срамное или хитрое, или клеветливое на брата, пусть с самого начала не открывает ему дверок. И даже если оно продолжит стучать в дверь, пусть так и стучит без конца. Если кто-нибудь станет приглашать: *иди с нами, приобщися крове* (Притч. 1, 11), пусть отказывает, тотчас затыкая уши. А когда зовет Давид: *Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас* (Пс. 33, 12), или когда Сам Бог говорит, провозглашая: *Слышите, и засвидетелствую вам* (Пс. 80, 9), тотчас пусть отверзает дверь слуха. Если кто скажет тебе: *в дом Господень пойдём* (Пс. 121, 1), или: *приидите, и взыдем на гору Господню и в дом Бога Иаковля* (Ис. 2, 3), то и к нему следует немедленно прислушаться. Если прекрасный, что в Песнях, Жених, стуча в дверь, взывает к душе нашей: *отверзи ми, сестро моя, ближняя моя, голубице моя, совершенная моя* (Песн. 5, 2), тотчас впустим его, как упоминаемый в Евангелиях раб бодрствующий. И кратко сказать: *наказание Господне да отверзает уши наша, и что написано нам в наставление* (Рим. 15, 4), то будем слушать, как *имеющие уши слышать* (Мф. 11, 15), совету же змеиному или речам людей, *под языком коих труд и болезнь*, и краем уха не станем внимать, но и имея уши и слыша, не станем слушать.

Е12. Так упорядочивая и зрение и слух, главнейшие из чувств, затем и прочие члены гармонично настроим, соделывая их *оружием правды* (2 Кор. 6, 7), а не орудиями смерти. И ноги пусть ступают размеренно и стоят *на правоте* (Пс. 25, 12) и во дворах Иерусалима, пусть ходят *в дом Господень* (Пс. 121, 1), пусть не хромают *на обе плесне* (3 Цар. 18, 21), пусть не выступают на цыпочках и не играют бесчинно, в чем именно порицаются у Исаяи дочери Сиона, *ризы влекущья и ногама купно играющья* (Ис. 3, 16). Руки же пусть не *исполняются крове* (Ис. 1, 15), не грозят бедным, не бьют нищего, не пребывают в готовности *на восхищение* (Пс. 61, 11). А если кто отличается воинственностью, пусть не с единоплеменными борется, но свои руки *научает* на похвальное *ополчение* и персты на брань (Пс. 143, 1). Есть про-

тив кого сражаться, есть кого поражать: общего злодея, врага природы нашей. Ты оскорблен? Оскорбляя взаимно, обращаешь тыл перед противником; не оскорбляя, мужественно противостоишь лукавому. Тебя били? Если будешь отплачивать тем же, то получишь опасную рану; если же не подымеешь рук, то поразишь в лицо своего врага дьявола, по наущению коего брат ополчился на тебя, словно иноплеменик.

Е13. Стань добрым помощником и болящим; заступайся за тех, кого постигло какое бы то ни было несчастье. Предложи от себя помощь, прости руку страждущему, дай что-нибудь нуждающемуся, защити изможденного нуждою, помоги страдающему от голода, прогони нищету, лютого врага братьев, и тем совершишь преславный подвиг. Прекрасным делом для руки является и воздеяние в молитве, которое *на всяком месте* бывает *чистым* (1 Тим. 2, 8) и нигде не считается неуместным. Ибо, простирая руки, таким образом берешь пример с народного вождя Моисею, молившемуся на горе, подобно тому, как, вооружая руку по сказанному выше, подражаешь Иисусу, помощнику полководца. Не неискусна в борьбе и та рука, которая не торопится принимать подарки, поскольку она сражается со всемогущей тиранией золота и пребывает совершенно неодолимой для золота, порабащающего всё. И вот что более всего необыкновенно в этой брани: обращаясь перед золотом в бегство, рука его отражает и совершенно побеждает, находясь в покое, поражает и торжествует, как бы действуя, хотя вовсе не приходит в движение и не мечет стрелы.

Е14. Так и руки, упражняясь в действовании по природе, настраиваются должным образом, не опускаются невпопад и не поднимаются выше меры. Так и язык, сие неударжимое и отважное орудие, неуловимый и упрямый член, неукротимый пуще всякого зверя, который *удерживать от зла* (Пс. 33, 14) заповедует Давид. Ведь он — причина почти всякого зла, *прикраса неправды* и бесславия всего тела, по выражению великого Иакова (Иак. 3, 6), поскольку не только сам по себе грешит, когда кощунствует или клянется ложно, величается, пустословит, не вовремя говорит, лжет, проклинает, празднословит, поносит, сквернословит, клеветничает, но и в остальных, едва ли не всех, прегрешениях принимает участие. Вскипела у тебя от гнева кровь около сердца? Язык, упреждая руки, тотчас бросается вперед, подобно мечу острому, бросает проклятиями, стреляет угрозами, мечет из пращи оскорбления и таким образом кладет начало гневу или совершает отмщение. Влечение ли неразумное тревожит внутренности? Опять язык выступает сводником, готовым к совращению и устройству неуместного дела, опять прибегает к вкрадчивой речи и обольстительными словами приукрашивает таящееся во глубине сердца коварство.

Е15. Нет, — говорит змий, — *но ведяше бо [Бог], яко в онъже аще день снесете от него..., будете яко бози* (Быт. 3, 5). И Каин: *пойдем на поле* (Быт. 4, 8). Первый, будучи изначально человекомубийцей и завидуя родоначальникам из-за их жития, божественного и свободного от всякой смертной заботы, предлагает, как

некую приманку, пищу, будто бы дающую бессмертие, чтобы поймать их на крючок смерти. Второй же, ненавидя брата, притворно показывает братскую дружбу и зовет его в поле, будто желая о чем-то с ним побеседовать, чтобы вдали от родителей скрытно убить брата в пустынном месте, как задумал. Авессалом же, чтобы расположить к себе народ и возбудить толпу к восстанию против отца, *простирал*, говорится, *руку свою к приходящим в царский дворец судиться, и приимаше, и целоваше его* (2 Цар. 15, 5). И не только это, но и говорил, выслушивая речи каждого из имевших предстать перед судом: *се, словеса твоя блага и удобна, но слушающаго несть ти от царя*. И прибавлял: *кто мя поставит судию на земли, и ко мне придет всяк муж имеяй прю и суд, и оправдаю его?* (2 Цар. 15, 3–4).

Е16. И фарисеи, подослав учеников своих с иродианами, пытались *уловить Господа в словах*, говоря: *Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице; итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?* (Мф. 22, 15–17). Примечай хитрость, как, прикрывши ловушку накладкою льстивой угодливости, они этим пытаются поймать *Уловляющего мудрых в коварстве их* (Иов 5, 13; 1 Кор. 3, 19). И хорошо, значит, сказал брат Божий, что *язык исполнен яда смертоносного* (Иак. 3, 8) и что *кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и всё тело* (Иак. 3, 2). Итак, будем удерживать язык свой от всякого зла и соделывать его орудием не проклятия, а благословения, не лжи, а истины, не злословия, а благодарения, снарядом благоугождения, а не поношения, песнопения, а не клятвопреступления, беседы личной, не сквернословия или коварства, или величания.

Е17. Увы, сколь сладкоречив язык, и на какие вещи отваживается! *Положиша*, — сказано, — *на небеси уста своя, и язык их преиде по земли* (Пс. 72, 9). И у Даниила говорится: *и словеса на Вышняго возглаголет* (Дан. 7, 25). Ибо не только против однородных себе велеречит в надмении своем и самовосхвалении, но направляет стрелы и на Самого Всевышнего, понося хульными и пренебрежительными речами. Вот и гордецу не довольно было похваляться так: *вселенную всю объиму рукою моею яко гнездо, и яко оставленная яйца возму* (Ис. 10, 14). Но и осажденным он приказывал говорить: *да не прельщает вас Езекиа, глаголя: Бог ваш избавит вы... от руки моя* (Ис. 36, 18–19). Но *почто гордится земля и пепел? Яко в животе извергох утробу его* (Сир. 10, 9–10).

Е18. Внемли божественным сим речениям всякий гордец, и помысли: почему ты назван землею и пеплом? Ведь если, может быть, и превосходишь многих красотою или крепостию тела, или могуществом, богатством и разумом, то всё же и при этом ты земля и пепел. Разве не от земли ты взят, не из персти составлен? Разве немного после не возвратишься в землю, не разрешишься во прах? *Яко в животе*, — говорит, — *извергох утробу его* (Сир. 10, 10). Не на то смотри, что не стал еще землею и пеплом, и не думай, обольщаясь суетными прикрасами тела и телесной жизни, будто ты нечто. И если не желаешь смотреть на землю, на прах,

из коих ты составлен в начале и в кои наконец разрешишься, то хотя бы на внутренности свои обрати внимание, как они и теперь, еще при жизни твоей, извергаются.

Е19. Приведи на мысль всё внутреннее устройство, состав дыхательных путей, деятельность питательных сил и извергаемые сокровенности накопляющего гной чрева, и не скрывай от себя, что у тебя чрево есть мастерская, как бы некая печь неугасаемая, а легкое как бы кузнечный мех, неустанно раздуваемый и сжимаемый, раздувающий жаровню в сердце притоком и выпуском дыхания, а зловонное место в чреве для гнили есть как бы помойная яма, принимающая остатки твоей пищи. Имея это в виду, человеке, закрывайся от стыда, брось пустую спесь и понизь тон хвастливых речей своих. *Внемли себе* (Втор. 15, 9), познай себя, осмотри то, что внутри тебя! Ты — земля попираемая, прах, вмняемый ни во что, омерзительный гной, питающий червей, и не только после смерти (хотя, конечно, и тогда тоже), но и при жизни твоей. Еще будучи в живых, не представляешь ли ты собою гроб, вмещающий мертвечину, сам себя носящий, и извне, может быть, приукрашенный благовидностью тела и другими временными украшениями, внутри же полный нечистоты и отвратительного гноя? Внутреннее гниение у тебя не производит ли иногда червей? Не извергается ли часто оттуда куча глистов?

Е20. Итак, *почто гордится земля и пепел? Яко в животе извергох утробу его*. Снова приведу тебе сие священное изречение, как бы некое искусное заклинание. Может быть, от этих частых напевов спадет воспаленная опухоль надменности. *В животе извергох утробу его*. Сие снадобье пригодно и для чревоугодников, не только для гордецов. Ведь если наши внутренности извергаются еще и при жизни нашей, для чего обжорством накапливаем себе вещество для большего извержения? Для чего к внутреннему болоту приливаем еще больше грязи? Для чего в смрадную яму прибавляем еще больше грязи? А лучше сказать, как не боимся подогревать естественные котлы страстей, подбрасывая им обильнейшее питание? От этого сильнее вскипает ярость гнева и неудержимее вздымается пена похоти; отсюда мы внутренностям своим подкидываем вдвое или во много раз больше вещества для извержения. А если кто имеет духа строптивного, тот, как и Давид, подпадает срамным страстям. Ведь и он, *яко елень в ятра* (Притч. 7, 23), был уязвлен стрелами Эрота, осквернил сердце лукавыми размышлениями, *лядвия его наполнишася поруганий* (Пс. 37, 8), так как блудная страсть над ними надругалась, и вообще все внутренности его подверглись уничижению. Посему он, как человек, чье сердце оказалось осквернено и внутренности уничижены духом строптивным, молится о том, чтобы Бог созидил в нем *сердце чисто, и дух прав обновил во утробе его* (Пс. 50, 12).

Е21. Подражая ему, и мы обновим внутренности свои, не служа уже посредством чревоугодия таящемуся во чреве хитрому змию, как в старину ассирияне дракону (Дан. 14, 23), а Дух правый привлечем отверстыми устами (Пс. 118, 131).

Сей [Дух] упразднит и чрево и пищу (1 Кор. 6, 13) и подаст силу с горячностью исполнять сказанное Давидом: *еже сотворити волю твою, Боже мой, восхотех, и закон твой посреде чрева моего* (Пс. 39, 9). Если посредством поста выровняем чрево в скрижаль богописанную и на деле начертаем там законы божественные, или, по Соломону, выточим его как *сосуд слоновый* (Песн. 5, 14) — конечно, гладкий и чистый, и с легкостью показывающий поучения; если так и чрево устроим правым и обновляющим дыханием покаяния, то с радостью воспоем и сказанное великим Исаяею: *чрево мое на Моава*, — то есть против незаконных порождений опьянения, — *аки гусли возгласит, и внутренняя моя аки стену обновил* Господь (Ис. 16, 11). Ибо постом обновляются внутренности, словно стены Иерусалимские, ниспровергаемые вавилонским архимагиром (4 Цар. 25, 8–12). И нам можно припевать так, если только внутренние члены настроим применительно к крайней струне, чреву, так, чтобы ни печень не разноголосила, легко склоняясь к порочным удовольствиям, ни сердце не кипело раздражением, но всё находилось в согласии, как в хорошо настроенных гусях, и прославляло святое имя Господне.

Е22. Если же и владычественное наше начало воспеваает согласно с настроенными по Богу членами, то есть чревом, сердцем и печенью, то внутренности наши составят орудие четырехструнное и мы заиграем стройно. Ведь лучше всего находиться в ладу со всеми добродетелями и бряцать, подобно Давиду, на пятернице чувств, настроенных в согласии с равночисленными им силами души, как на гусях или псалтири десятиструнной⁷. Но поскольку сей превосходнейший вид музыки свойствен только Давиду и тем, кто по примеру Давида своими перстами *составиша псалтирь* (Пс. 151, 2), то довольно с нас, если хотя бы четырехструнным орудием будем славить Господа, то есть постом, кротостию, целомудрием и умом, пребывающим во благом размышлении и молитве. Ибо *благ* и этот *псалом* (Пс. 146, 1).

Е23. Но как ум станет помышлять о добром, если не освободится от внешних развлечений? Итак, упразднимся, чтобы уразуметь (Пс. 45, 11). А пока не упразднимся, не познаем, ниже уразумеем, но во тьме ходить будем (Пс. 81, 5). Сказано ведь, что *забота века сего и обольщение богатства заглушает слово* (Мф. 13, 22). И мы то хлопочем, что нам есть или что пить, или во что одеться (Мф. 6, 31), то, *имея пропитание и одежду*, не довольствуемся этим (1 Тим. 6, 8), но желаем большего и сверх потребного, или соблазняемся прелестью богатства. А раз обольстившись богатством, добровольно впадаем в лабиринт забот, не имеющий выхода. И хорошо сказано: *обольщение богатства* (Мф. 13,22; Мк. 4, 19), поскольку как обольщаемые, ожидая одного, сверх чаяния встречают другое, так и ищущие обогащения по большей части, обогатившись, находят противное своим ожиданиям. Они думают, что, когда обогатятся, будут затем находиться в довольстве и жить беспечно, будут ограждены от козней и сделаются страшными для врагов; но, обогатившись, из-за богатства встречают противное. Ибо чем больше приобретают, тем больше желают, и чем о большем хлопочут, тем более многочисленным

печалиям подвергаются: уязвляются клеветниками, терпят издевательства от завистников, притесняются власть имущими, и вообще ищущим причинить неприятности предоставляют к тому тысячи поводов.

Е24. Вот почему внешний покров богатства есть обольщение; но и иным образом обманывает богатство имеющих его, так как оно неверно и ненадежно, и не удерживается в руках обладающих им, но исчезает, улетучиваясь, как ночное сновидение, или стекая, как вода по наклонной поверхности. Зная сие, и говорит Давид: *богатство еще течет, не прилагайте сердца* (Пс. 61, 11). Ибо он, соединяя мудрость с богатством, знал обманчивость и непрочность жизни, знал и из того, что сам выстрадал. Наслаждаясь всяким блеском житейским, сказал он, что *не подвижется во век* (Пс. 29, 7), но по попущению Божию внезапно лишился всего: денег, стяжаний, жен, дворцов. *И Давид восхождает восходом на гору Елеонскую, восходя и плача, и покрыв главу свою, и сам идяше босыма ногама* (2 Цар. 15, 30). Ибо ему внезапно пришлось лишиться всего, так что он не успел даже ноги обуть, но бежал без сандалий. Потому-то Давид есть советник, достойный доверия, с одной стороны как пророк и человек богатый, а с другой — как внезапно лишившийся богатства и снова возвративший богатство, и познавший изменчивую неверность богатства от надежного учителя — опыта.

Е25. И не Давид только таков, но и благородный Иов, говорящий: *Аще вчиних злато в крепость мою и аще на камения многоценная надеялся, аще же и возвеселихся, многу ми богатству сущу* (Иов 31, 24–25). Затем прибавляет он к этому и то, из каких соображений презирал богатство: *или не видим солнца возсиявшего оскудевающего, луны же умаляющихся?* (Иов 31, 26). О любомудрая душа праведника! «Солнце, — говорит он, я видел затмевающимся и луну оскудевающей, сии могущественнейшие и постояннейшие стихии, и мог ли думать о текущем богатстве, как о постоянном?» Вот как оные мужи, поистине одаренные благами, рассуждали относительно неверности богатства, и притом богатства, данного им от Бога в награду за добродетель и в залог будущего воздаяния. Если же благодарованное богатство тех божественных мужей было столь подвержено переменам, столь неустойчиво, то каково составляемое человеческой порочностью или игрой случая, или же сливающееся из неправых средств, как бы неких ручьев, в единый поток беззакония и захватывающее всё встречное? Таково, например, богатство передвигающего между, угоняющего стадо с пастырем, уводящего осла у сирот, берущего вола у вдовы в залог, жнущего не свою ниву прежде времени, руками бедных возделывающего виноградники свои без мзды и без пропитания, вынуждающего многих ночевать нагими и без покрывала, отнимающего хлеб у голодных, похищающего сосцы у сирот (Иов 24, 1–14).

Е26. Так приумножаемое богатство не протечет ли быстрее ручья прежде, чем образовать озеро? Несомненно. Для чего же тогда привязываемся к стяжанию, душе не сродному и не помогающему ей? Если еще при жизни оно бросает нас и убегает, или при переходе нашем туда остается здесь, то для чего гоняемся за

неуловимым? Для чего так изнуряем душу заботами о нем, как паутинами? (Пс. 38, 12) Ничто из настоящего не верно нам, ничто не постоянно, нет ничего неподвижного! *Род преходит и род приходит, а земля во век стоит* (Еккл. 1, 4). Да и она в ином отношении изменяется, доставаясь по воле случая во владение то одному, то другому. Поле вчера считалось твоим, сегодня признается достоянием другого, а завтра будет принадлежать иному, потом опять перейдет к иному или будет конфисковано. И поскольку все оттесняют друг друга, не будучи хозяевами в собственном смысле слова, то в действительности мы *пришельцы и странники* (1 Пет. 2, 11), не обладающие и пядью земли, не имеющие никакого бесспорного владения⁸.

Е27. Что же труждаемся для других и хлопочем о стяжаниях, которых неизбежно лишимся, не будучи подлинными собственниками? С каким удовольствием недавно взирали мы на масличные сады, обремененные плодами, и как лица наши веселели от ожидаемого обилия масла! Но кто же не знает, как наше ожидание опало, по выражению Писания, *яко цвет масличия* (Иов 15, 33), и плод внезапно уплыл из рук наших? Мы опасались градовых туч, повреждения от ветров, порчи от спорыньи, боясь, чтобы оплодотворенные маслины не выкинули плода преждевременно. Когда же миновали эти страхи, а урожай созрел и невредимым, и обильным,

...как листья на деревьях, как цветы на долинах весной⁹,

и каждый уже рассчитывал увидеть их в своих хранилищах, тогда-то разразившийся чрезвычайный гнев Божий внезапно уничтожил видимое плодородие, *яко соние востающего* (Пс. 72, 20), и подверг его проклятию моисеева закона, в котором говорится: *маслины будут тебе..., и елеем не помажешься, яко истечет маслина твоя* (Втор. 28, 40). А горше всего, что пропали не только плоды, но и сами праздные деревья, вырванные прямо из рук владельцев. Так и прежде окончательного и всецелого изменения всего почти всякий раз *проходит образ мира сего* (1 Кор. 7, 31). Не только *имеющие жен* как бы не имеют их (1 Кор. 7, 29), но и приобретающие овец и быков, виноградники, масличные сады и хлебородные равнины владеют ими не надежнее неимущих.

Е28. И кто столь легковверен, чтобы прилепляться к таким ненадежным вещам и изнурять себя заботами о них? Я же полагаю, что внезапная изменчивость наших дел представляет собой некое естественное и необходимое проявление неустойчивого течения настоящих вещей, так устроенное Богом для вразумления нашего, чтобы мы из-за как бы неподвижных и твердо стоящих предметов не забывали о действительно постоянных, а также и потому, что за безмерные согрешения наши и это наказание наведено на нас по причине ожесточения нашего и нераскаянности. Ибо, чтобы не перечислять всех казней, не умалились ли стада овец, не *оскудеша* волы *при яслех* (Авв. 3, 17)? Не сделалось ли *небо над главою* медным? Не железная ли от этого земля (Втор. 28, 23)?¹⁰ Где посеянные в прошлом году семе-

на? Какие мы пожали снопы? Какой земледелец взялся за серп, или какую полосу проложил жнец, или какую кучу снопов воздвиг вязальщик? Оттого гумна бесполезны, житницы полны паутины, кладовые исполнены пыли, хранилища пусты и изобилуют сором, угрожая всяческим голодом, и беда скудости хлебной поедает страну нашу. Так *всяко утверждение хлебное сотры* [Господь] (Пс. 104, 16). Но поскольку и при недостатке хлеба, который *сердце человека укрепит* (Пс. 103, 15), мы не сокрушили сердец своих покаянием, то и *дело маслинное* не оправдало надежд (Авв. 3, 17), чтобы, лишившись *елея радости* (Пс. 44, 8), мы хотя бы теперь восскорбели печалью ради Бога.

Е29. Но что это для меня в сравнении с вредом от пиратов, тягчайшею и невыносимою язвою, первым и последним несчастьем для Афин, которое при многих других великих бедствиях заставляет забывать о них обо всех? Увы, слава Афин стала баснею! Исчезает, не только что древнее величие некогда славных Афин (ибо оно давно погибло), но и самые его остатки. О, как оплачу несчастье! И если не получу от того никакой помощи, то хотя бы успокою самого себя, подобно произносящим монодии¹¹. А может быть, привлечем мы и помощь Божию, если и те из нас, кто уже испытал бедствие, и те, кто, конечно, подвергнется ему (если только до сих пор еще остается кто-нибудь, не затронутый общей пагубой), станут плакать совместно. Бог сострадателен и обращается к плачущим.

Е30. Увы, велика злоба наша, и посему преданы мы лангобардам, как в стари-ну Израиль — филистимлянам; лангобардам — народу, самому враждебному и свирепому из всех варваров, какому преступивший закон Израиль должен был быть предан согласно пророчеству Моисея, который описывает его как *язык безстыден лицом, иже не удивится лицу старцу и юна не помилует, и пояст плоды скотов твоих и плоды земли твоя, яко не оставит тебе пшеницы, ни вина, ни елея, стад волов твоих и паств овец твоих...*, *дондеже погубит тя и останетеса в числе малем* (Втор. 28, 49–51; 62). Разве не в точности так страдаем от сих пиратов? Не гораздо ли хуже? Ибо смотрите. Царь оный вавилонский, *лукавейший паче всея земли* (Дан. 3, 32), не был ли за свою нестерпимую злобу наказан отлучением от людей и обитанием с полевыми зверями (Дан. 4, 30)? Ибо, говорится, *во злаце внешнем и в росе небесней вселится, и со зверьми часть его* (Дан. 4, 12).

Е31. Что же наши несчастные земледельцы? Не всегда ли и среди зимы обитают под открытым небом и живут подобно зверям? И если бы подобно зверям! Но звери забираются в кустарники густые, в берлоги, обитают в пещерах, предоставляющих им естественный кров, и не в полной мере подвержены зимним злоключениям. А у сих несчастных нет ничего такого, чтобы как-нибудь избежать беды, но и холодным ветром их пронизывает, и снегом заносит, и дождем поливает, и от мороза они цепенеют, когда проводят ночь без крова, несчастные гораздо более, чем те, кого оплакивает Иов. *Те каплями горскими мокнут, занеже не имея покровя, в каменея облекашася*; а эти, убегая вечером из домов своих, словно из вражеских, чтобы их ночью не застигли там пираты, ложатся спать то в од-

них, то в других горах и пропастях. Ни пещеры, ни ущелья земли не составляют безопасного ложа для несчастных, поскольку и там появляется проворный разбойник, не имеющий недостатка в проводниках вольных или невольных. Сколь многие сделались жертвами стужи! О несчастные дети! О несчастные или, вернее, блаженные женщины, которые, избегая пиратского неистовства, предпочли погибнуть от холода, но не быть попасть в руки к пиратам!

Е32. Хотите, добавлю еще более жалостный рассказ? Слышал я от мужей, заслуживающих доверия, что пираты где-то схватили только что родившую женщину и погнали ее, несущую под мышкой несчастное новорожденное дитя, к морю. Она же, с одной стороны, изнуренная муками рождения, а с другой — одержимая страхом и истомленная поспешной ходьбою, бросила где-то там злополучного младенца, но и сама упала и испустила дух, избавившись таким образом одновременно от разбойничьих рук и от страдальческой жизни. О бедная и несчастная мать — мать, родившая на смерть, мать, которую пощадили жестокие Илтии, избавив от тяжких болей, но насилие пиратов предало жесточайшим смертным мукам.

Е33. Как же она могла бы оплакать лежащего младенчика¹², сама испуская дух? «О дитя, дитя болезней моих! Дитя, к несчастью появившееся на свет не для того, чтобы жить и в жизни сделаться каким-либо утешением для матери, а чтобы с рождением найти и смерть, ему сопутствующую, и вместе погубить и родившую тебя! О я, злополучная роженица, и ты, злополучное порождение! Не успел ты переступить порога бытия, и прошел вратами исхода; не успел из чрева попасть на землю, и попал в руки разбойников; не увидел света вольного, и покрыла тебя ночь пленения. Длань повивальную предупредила рука разбойничья, и прежде, чем первая спеленала бы тебя, ты оказался в узах, наложенных второю. Как ты, еще не вступивши на поприще жизни и даже не коснувшись отправной точки, достиг предела смерти? Как, не успев пуститься в плавание в житейском море, попался диким пиратам? Для того ли разрешился от естественных родовых мук, чтобы разбойники увели тебя узником? Для того ли вышел из чрева, чтобы тебе пришлось попасть в кровожадные руки, а нам складывать надгробные плачи прежде, чем отпраздновать рождение песнями? Бок о бок с жизнью ты обрел разрушение, и это прежде, чем начать житейское путешествие. Сколь недолог промежуток твоего жития, и сколь великой тягости исполнен! Не вдохнул ты вольного воздуха, как был похищен удушающей бурей плена, не отведал сладкого грудного молока, как напился горечи рабства. А за пленением последовала смерть, так что среди многих несчастий одно только счастье выпало нам на долю: поскорее отрешиться от многострадальной жизни, которой начало — слезы, плач и рабство»¹³. Так бы могла она приговаривать прежде, чем настигла ее смертная участь¹⁴.

Е34. Но и она, и все другие, кто то и дело становится жертвой меча, не столько заслуживают скорби, сколько блаженны в своей смерти. Ибо смерть есть не только *конец всякому житию* (Еккл. 7, 3), по слову сказавшего, но и покой (Иов 3, 23)

от злобных житейских неприятностей. Ведь *тамо почиша претружденнии телом* (Иов 3, 17). Но о ком я скорблю, кого оплакиваю, так это влачащих жизнь, худшую многих смертей. И теперь, здесь предстоящие, пусть восплачет вместе со мною каждый, кто не раз подвергается ограблению в течение одного года, кто отдал *кожу за кожу, и вся, елика имать, за душу свою* (Иов 2, 4), кто, не имея, чем заплатить выкуп, лишился даже своих членов, причем членов необходимейших и важнейших! О, скольких вижу одноруких или безносых, сколько израненных, сколько без одежды, сколь многие представляют еще ясные следы неопикуемых пыток! По истине *умерщвляемса весь день, вменихомса яко овцы заколения* (Пс. 43, 23). Горе мне, горе мне! Вот я, Господи; я согрешил; я, пастырь, совершил зло, *сия же овцы что сотвориша? Господи Боже мой, да будет рука твоя на мне..., а не на людех твоих в погубление, Господи* (1 Пар. 21, 17)! Я осквернил руки свои делами лукавыми; так за что же мечи пиратские отсекают десницы вот этих? Пусть я подвергнусь гневу Господню, ибо я согрешил перед Ним.

Е35. О, скольких Аттика видит теперь Кинегиров¹⁵, которых не величают за мужество, как того древнего, а жалеют за постигшее их несчастье. Ибо они не по закону войны лишаются рук, подвизаясь за отечество, но потому, что им, схваченным пиратами и не имеющим возможности принести выкуп, какого потребуют разбойники в своей ненасытности, топором отсекают руки, словно сухие ветви, лишённые всякого намека на золотую листву. Так карают пираты тех, чьи руки не торопятся внести выкуп, и это считают человеколюбивейшим наказанием для неспособных выкупить себя по бедности. Ведь у большинства отнимают не руки, не носы, но души, и это после того, как их мечи отведают человеческой плоти и — увы! — упьются неповинной крови.

Е36. И мы, афиняне, терпим сие не от большого флота, пристающего к Аттике, но от пиратских лодочек, по большей части приводимых в движение шестнадцатю гребцами, которые плавают вокруг нее и всё разоряют. О, как восстали бы души древних афинян, если бы только могли получить какое-либо понятие о настоящем положении, а именно о том, что родину их, которую не в силах были поработить тысяча двести кораблей, опустошают пиратские скорлупки. А вот что обиднее всего: где Фемистокл воздвиг трофей, столько кораблей одолев в морской битве, оттуда пробирается суденышко с одним рядом весел¹⁶ и разоряет окрестности Афин. И Саламин ныне является уже не божественным, ибо не губит вражеских сыновей¹⁷, но враждебным и гибельным, поскольку представляет собой прекрасное пристанище для пиратов. И тесные его проливы тогда в высшей степени поспособствовали поражению многочисленных кораблей немногими, варварских эллинскими, ныне же из сих теснин открывается для Афин громадная пагуба. Ведь морским разбойникам чрезвычайно удобно переправляться через них с Саламина для грабежа, а пограбив, поскорее поворотить корму и вернуться опять на Саламин. Не говорю уж об Эгине, излюбленном пристанище пиратов, ибо и в древности Перикл называл ее бельмом в глазу Пирея и потому счи-

тал необходимым уничтожить¹⁸. Ведь что удивительного в том, что сегодня Эгина является соринкой в глазу афинян, если и прежде была для Пирея бельмом?

Е37. Но стоило мне упомянуть о Пирее, славнейшей из гаваней и столь же более спокойной по сравнению с другими гаванями, как они — в отношении к морям, как тотчас же попадаю в другое море печали и ныряю в водоворот отчаяния. И я уже не испытываю такой ненависти к Эгине и Саламину: ведь как некогда были острова блаженных, так и они именуются островами проклятых пиратов, а их разбойничьи шайки некогда превосходили своей свирепостью Сардинию и другие острова¹⁹. Но то, что и прославленный Пирей, некогда вмещавший четырехста триер — ведь афиняне снаряжали не меньше этого! — представляет собой пиратское пристанище рядом с Афинами и удобную отправную точку для разорения нашей земли — вот какое обстоятельство заслуживает большего отвращения и стыда, так что я не знаю, как его и оплакивать. И, как мне кажется, умным провидцем будущего был Эпименид критянин, который, потратив много времени на осмотр и изучение Мунихии (так называли древние холм, примыкающий к Пирею и двум соседним заливам), сказал: «Как слеп человек относительно будущего! Если бы афиняне предвидели, как эта местность будет вредить их городу, то сгрызли бы ее своими зубами»²⁰. А когда сей холм причинял афинянам больше горя, чем теперь, когда стал прикрытием для набегов на городские поля, сторожевым укреплением на возвышенности, перевалочной базой и всем, что им будет угодно? Думаю, не причинял даже и тогда, когда там разместился македонский гарнизон, сперва во главе с Антипатром, а затем с Никанором, который захватил своим оружием и Пирей²¹.

Е38. Но что я говорю об островах и Пирее, когда и вершины гор доступны пиратам? Ибо они без всяких препятствий восходят и туда и, хватая, подобно жестоким охотникам, укрывшихся там, ведут их к морю. Как нам известно от древних, проводящих такое различие, жители сей страны делятся на три разряда в зависимости от места обитания: паралы, педиеи и диакрии²². И все эти местности легко доступны пиратам; или, лучше сказать, они, давно разорив земли прибрежные, теперь опустошают и горные, да и от равнинных не воздерживаются, так что попросту нет ни одной местности, которая бы укрылась от их насилия. И страдаем мы от пиратов совершенно так же, как, по рассказам, в старину страдали от Сфинкса фиванцы, или даже больше. Ведь Сфинкс, похищавшая фиванцев по одному, удалялась, когда не могла разрешить предложенной загадки, а они хватают нас целыми деревнями и округами, где и когда захотят. Да и как тут можно скрыться, когда и внутри города — города, представляющего собой лишь осколок прежнего — по ночам приходится ожидать нападения? Стена ли остановит их предприятие, или и без того мы ограждены оружием, как в старину лаконцы, не имевшие стен?

Е39. Какую же, думаете, влачу я жизнь, видя, как прямо сбываются на нас столь страшные угрозы пророков? Не губит ли нас *отвне меч, и от храмов страх*

(Втор. 32, 25)? Не переселяются ли некоторые из нас из приморских жилищ на крутые вершины гор, подобно воробьям, но и там легко достигают нас ловцы? А другие не убираются ли каждый вечер с пригородных полей в дома, но и затем не спят спокойно, как люди, которым нечего опасаться? Так бежим от неизбежного, *якоже аще убежит человек от лица льва, и нападет на нь медведица: и вскочит в дом и опрется рукама своима о стену, и усекнет его змия* (Ам. 5, 19). И Исайя: *иже преступают закон, страх и пропасть и сеть на вас..., и будет, бежай страха впадет в пропасть, и излазай из пропасти имется в сеть* (Ис. 24, 16–18).

Е40. Что ж теперь будем делать, братия? Какое нам остается убежище? Откуда ждать помощи? Какой избавитель появится? Не видим ли, что это гнев Божий и взыскание за многие великие прегрешения? Как не приходим в чувство, видя, что *взыде дым гневом его*, и не бережемся, как бы не воспламенился *огнь от лица его* и *углие* не возгорелись (Пс. 17, 9)? Чего ради оказываемся тупее и бесчувственнее древних иудеев и жестокосерднее казнимых египтян, из коих первые, терпя зло от иноплеменников, тотчас обращались к Богу с покаянием, египтяне же, видя выходящих из реки Нил жаб и мошек, которые докучали им, говорили: *перст Божий есть сие* (Исх. 8, 19). Мы же, которых уже давно угоняют, увечат, убивают выходящие из моря жесточайшие пираты, количеством и вредом превосходящие египетских жаб, песьих мух и мошек, не говорим, что это бич Божий, наказующий нас за грехи наши, а приписываем несчастье каждый своей причине, обвиняя в происходящем всё, что угодно, кроме своих грехов. Посему и начала покаянию не полагаем, и Бога не умоливаем покаянием. Потому-то язвы наши умножаются и, как у египтян, становятся всё страшнее и страшнее, так что должно опасаться, как бы нам, подобно фараону, не быть потопленными за свое жестокосердие.

Е41. Но обратимся хотя бы поздно! Сознаем, что мы *согрешихом, беззаконновою, нечествовахом* (Дан. 9, 5; 3, 29), и потому все сии бедствия настigli нас. Пусть каждый из нас найдет свое прегрешение и возненавидит его. Исповедуем грехи наши, припадем с умоливанием и молением нашим *пред Господем* (Дан. 9, 20) и скажем в молитве своей: *Господи Боже наш, услыши молитву рабов Твоих! Приклони, Боже наш, ухо Твое и услыши! Отверзи очи Твои и виждь запустение града сего* (Дан. 9, 17–18). *Отстави от нас раны твоя: от крепости бо руки твоя исчезоухом* (Пс. 38, 11)! *Посети жезлом беззакония наша и ранами неправды наша, милость же Твою не разори от нас* (Пс. 88, 33), *не до конца гневайся* (Пс. 102, 9) и не удерживай во гневе Твоем милостей Твоих! Умилосердись, Господи; призри, Господи; ослаби, Господи! Немного мы наказаны за грехи наши, но если *по грехом нашим* будешь воздавать нам (Пс. 102, 10), если *беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит* (Пс. 129, 3)? Да будет в скорби мале наказание твое нам (Ис. 26, 16), и впредь *да не яростию твоею обличиши нас, ниже гневом твоим накажеши нас* (Пс. 6, 2)! Ты Отец наш, и, *наказуя, наказа нас* (Пс. 117, 18) немного, как сынов своих, много согрешивших, дабы, *оставаясь без наказания*, мы не считались неза-

конными детьми, а не сынами (Евр. 12, 8). Не предай же нас смерти, (Пс. 117, 18) но просвети лице твое и спаси нас (Пс. 30, 17).

Е42. Так скажем, рыдая, и станем ударять себя в грудь, испрашивая милосердия Божия! Ныне время сему более, чем когда-либо; ныне время очищения. Ныне время умилоствления, о котором говорит и закон Моисеев: *в той бо день* — то есть день поста — помолитесь о вас, еже очистити вас от всех грехов ваших пред Господем, и чисти будете и покорите души ваша, законно вечно (Лев. 16, 30–31). Ухватимся за дни умилоствления, воспользуемся сим временем, присоединим пост, очищающий от всех грехов и смиряющий души! Общее очищение сделаем собственным, постановление вечное обратим в добровольное лишение. Впрочем, если б не испытывали мы страдания, то и не стали бы поститься, рыдать и проливать слезы от стыда временного и страха будущего наказания. А в какое же время будет уместнее явить сие, когда мы уже столь явно враждебны и ненавистны Богу, когда видим, как поднимается уже не дым гнева Божия (Пс. 17, 9), а пламень, так что нет нужды в вестнике, что огонь разгорается?

Е43. Не будем же до того бесчувственными, чтобы совершенно не скорбеть при возжжении огня подобно тем, о коих дух пророческий говорит к Богу: *Бил еси их, и не поболеша* (Иер. 5, 3). Но, наказуемые Богом, придем в чувство, восплачем, сокрушим сердца свои, обратимся ко Господу и сотворим плоды покаяния (Мф. 3, 8)! Обратимся каждый от лукавого пути своего и от неправды рук своих. *Кто весть, аще раскается и умолен будет Бог, и обратится от гнева ярости своей, и не погибнем* (Ион. 3, 9)? Блудник пусть уже не *разоряет храма Божия* (1 Кор. 3, 17), но стремится к освящению и освящается посредством целомудрия. Гневливый пусть делается кротким, сдерживая неукротимую раздражительность возжами великодушия и уздою кротости. Пьяница пусть уже не напивается, злоречивый впредь да не злословит. *Любяй неправду* пусть перестанет *ненавидеть свою душу* (Пс. 10, 5), но, поменяв местами любовь и ненависть, пусть, любя душу, возненавидит неправду. Дающий взаймы пусть более не требует с брата денег своих с процентами, и в чем проявляет человеколюбие, тем самым пусть не уличается в человеконенавистничестве. Братоненавистники, примиритесь с братьями, чтобы из порока братоненавидения не низвергнуться в пропасть братоубийства. А если кто завистлив и горд, пусть избавится от сих пагубных пороков, ибо зависть и гордость суть страсти родственные и представляют собой лукавое потомство того же отца, лукавого сатаны, подобно тому, как лезть и ложь — другие такие же порождения диавола. Итак, если кто посредством лжи или коварства породнился с отцом лжи (Ин. 8, 44), пусть уже не остается сыном погибели, не сообразуется с хитрым змием, но возвращается к благородству Того, по образу Коего мы созданы. *Яко истины взыскает Господь* (Пс. 30, 24), и *правоты виде лице Его* (Пс. 10, 7). И, короче сказать, все *уклонимся от зла и сотворим благо* (Пс. 33, 15). Ибо тогда милостив будет к нам Бог, и от нынешних бед избавит, и от будущего мучения спасет. Ему же слава во веки. Аминь.

Комментарии

- ¹ Возможно, аллюзия на 1-й ирмос богородичных канонов «Отверзу уста моя, и наполнятся духа, и слово отрыгну Царице Матери...» (Ἀνοίξω το στόμα μου καὶ πληρωθήσεται Πνεύματος, καὶ λόγον ἐρεύξομαι τῇ βασιλίδι Μητρί...). Ср. также Пс. 118, 131.
- ² Возможно, текст в этом месте испорчен.
- ³ О свойствах источников в зависимости от их расположения по отношению к странам света рассуждает Гален: Galeni de sanitate tuenda libri VI // Corpus medicorum Graecorum. Vol. 5.4.2 / Ed. K. Koch. Leipzig, 1923. Vol. 6, p. 56 Kühn.
- ⁴ Corpus Dionysiacum I: Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinis nominibus / Ed. B.R. Suchla. B., 1990 [Patristische Texte und Studien 33]. IV, 23 (P. 170). Любопытно, что эта же цитата (опять-таки с явным указанием авторства) приводится и в 15-м поучении Афинского митрополита [л. 166]. Таким образом, желая показать свое знакомство с сочинениями Псевдо-Дионисия Ареопагита, проповедник достигает скорее обратного результата.
- ⁵ Мнение о наличии градаций в рамках адских мук и вечного блаженства высказывалось, в частности, св. Ефремом Сирийским [Ὁσίου Ἐφραίμ τοῦ Σύρου ἔργα / Εκδ. Κ. Φραντζώλης. Τ. Δ'. Θεσσαλονίκη, 1992. Σ. 66] и св. Василием Великим [PG. T. 31. Col.1265].
- ⁶ «Наушники» (греч. ἀνωτίδες) — редкое слово, встречающееся лишь в одном пассаже из сочинения «Педагог» Климента Александрийского [*Clément d'Alexandrie. Le pédagogue* / Ed. H.–I. Marrou, M. Harl, C. Mondésert, C. Matray. Vol. I–III. Paris, 1960–1970 [Sources chrétiennes 70, 108, 158]. II, 6, 49–50]. Любопытно, что смысл высказываний обоих авторов при этом разнится: если Климент Александрийский предлагает использовать в качестве защиты ушей целомудренные речи, то Михаил Хониат — страх Божий.
- ⁷ Учение о пяти познающих (γνωστικάί) способностях души — ум (νοῦς), мысль (διανοία), мнение (δόξα), воображение (φαντασία) и чувство (αἴσθησις) — было сформулировано в сочинениях поздних неоплатоников V–VI вв. (см. в частности *Hermeias von Alexandrien. In Platonis Phaedrum scholia* / Ed. P. Couvreur. P., 1901 (Repr. 1971). P. 19; *Ammonius in Porphyrii isagogen sive quinque voces* / Ed. A. Busse. B., 1891 [Commentaria in Aristotelem Graeca 4.3]. P. 11) и в дальнейшем воспринято христианскими авторами, причем последние зачастую пишут просто о «пяти силах» души, не оговаривая специально их связь с познанием. Показательным примером может служить приписываемое св. Ефрему Сирию сочинение «О добродетелях и страстях», в котором кратко излагаются основные положения православной аскетики [Ὁσίου Ἐφραίμ τοῦ Σύρου ἔργα. Τ. Ε'. Θεσσαλονίκη, 1994. Τ. Ε'. Σ. 392].
- ⁸ Данный фрагмент поучения представляет некоторый интерес с точки зрения социально-экономической истории Византии. Высказывание Михаила Хониата о том, что земельное владение может с легкостью переходить из рук в руки и даже быть конфисковано (еп. Арсений переводит «отчуждено в пользу общины» [*Арсений (Иващенко), еп. Четыре неизданные беседы... С. 139*], что, однако, не совсем точно: в оригинале нет слова «община», а употребленная проповедником глагольная форма δημευθήσεται скорее должна означать изъятие в казну) может воспринимать-

ся как подтверждение теории А.П. Каждана о византийском государстве как верховном собственнике земли (см. напр.: *Каждан А.П. Деревня и город в Византии IX–X вв.: Очерки по истории византийского феодализма*. М., 1960. С. 140–142).

В то же время при оценке этого пассажа необходимо учитывать, что нарочитое акцентирование превратностей, угрожающих человеку в его земной жизни, является необходимым с точки зрения законов жанра христианской проповеди. Показательна в этом отношении используемая Хониатом лексика. Высказывание апостола Петра (1 Пет. 2, 11) о «пришлецах и странниках» в оригинале звучит как *πάροικοί ἐσμεν καὶ παρεπίδημοί*. Вставляя в свою речь эту цитату, проповедник наверняка учитывал, что в его время греческое слово «парик» помимо своего обычного значения («пришелец», «присельник») служило еще и специальным термином, применявшимся к определенной категории зависимых крестьян: такое понимание выглядит вполне естественным на фоне рассуждения о принадлежности сельскохозяйственных земель. Таким образом, чтобы привлечь внимание своих слушателей (среди которых были и вполне состоятельные люди) к преходящему характеру земных благ, Афинский митрополит уподобляет их парикам, чьи права на обрабатываемую землю и в самом деле в большинстве случаев не гарантировались законом [*Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XII вв.: Проблемы одного столетия: 976–1081 гг. М., 1977. С. 67–68*].

⁹ П. II, 468. Данная цитата используется Михаилом Хониатом также в 22-м поучении [л. 245] и в 64-м письме к Георгию Падиату [*Michaelis Choniatae epistulae. Epist. 64:25 (P. 87)*].

¹⁰ См. примечание 9 к 12-му оглашению.

¹¹ Монодия — в греческой риторике речь, посвященная некоему печальному событию, обычно плач об умершем. Указание на то, что составители монодий утешают сами себя, принадлежит св. Василию Великому [*Saint Basile. Lettres / Ed. Y. Courtonne. Vol. I–III. P., 1957–1966. Epist. 96:24*].

¹² В оригинале *βρεφύλλιον* — уменьшительная форма от существительного *βρέφος* («ребенок», «младенец»). Это слово довольно популярно у византийских авторов (в том числе и таких приверженцев «высокого стиля», как Михаил Пселл, Анна Комнина, Евстафий Солунский или Никита Хониат), но в античной литературе встречается лишь у Лукиана [*Lucian. Philopat. 6; Contempl. 4; Fugit. 19; Dial. meretr. 9, 5*]. Любопытно, что сам Хониат в одном из своих писем отмечает простонародный характер уменьшительных форм типа *προβατύλλια* [*Michaelis Choniatae epistulae. Epist. 28:21 (P. 39)*].

¹³ Прототипом этого монолога, видимо, послужил плач матери о ребенке, пораженном проказой, содержащийся в 14-м слове св. Григория Богослова («О любви к бедным»):

А мать, вспоминая муки рождения, с разрывающимся сердцем испускает жалостнейшие вопли и вслух всех рыдает над живым, как над мертвым, говоря: «Несчастное чадо злополучной матери, отнимаемое у меня лютой болезнью, чадо жал ости достойное, чадо мое милое, которого и узнать не могу, чадо мое, которое воспитала я для утесов, гор и пустынь! Со зверями будет жизнь твоя, горный камень — кров твой, и только благочестивейшие из людей обратят на тебя взоры. Зачем, — вопиет она, подобно Иову, этим болезненным гласом, — зачем ты

образовался в утробе матери? Зачем, вышедши из чрева, не погиб в то же мгновение, так чтоб смерть сочеталась с рождением? Зачем ты не умер преждевременно, пока не вкусил еще зол жизни? Зачем тебя приняли на колени, и на что было тебе сосать грудь, когда ожидала тебя жизнь горькая, жизнь ужаснее смерти?» Выговаривая это, проливает она источники слез, и хотела бы, несчастная, заключить в объятия свое детище, но боится плоти его как неприятеля! [PG. Т. 35. Col. 869–872; русский перевод: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Т. I. С. 210–211]

При этом заслуживает внимания искусство проповедника во владении словом, позволяющее ему довольно точно воспроизвести стилистику своего первоисточника, практически избежав прямых текстуальных заимствований.

¹⁴ В оригинале τέλος θανάτου — устойчивое выражение, неоднократно встречающееся в гомеровских поэмах (Il. V, 553; IX, 416; XI, 451; XVI, 502; XVI, 855; XXII, 361; Od. XVII, 476).

¹⁵ Кинегир — согласно Геродоту, один из участников Марафонской битвы, лишившийся руки при попытке удержать ею неприятельский корабль, когда тот отчаливал от берега [Her. Hist. VI, 114].

¹⁶ Указание на то, что пираты используют суденышки с одним рядом весел (монеры) должно подчеркнуть ничтожество их флота по сравнению с многочисленными триерами, которые некогда снаряжали древние Афины.

¹⁷ Намек на пророчество, по преданию полученное афинянами от Дельфийского оракула незадолго до сражения при Саламине:

Остров божественный, о Саламин, сыновей своих жен ты погубишь
В пору ль посева Деметры даров, порою ли знойною жатвы.

[Her. Hist. VII, 141; русский перевод:
Геродот. История в девяти книгах.
Перевод и примечания Г.А. Стратановского.
М., 1993. С. 350]

¹⁸ Данное высказывание приводится Плутархом в нескольких сочинениях, в частности в жизнеописании Перикла [Plut. Pericl. 8, 7]. Как известно, жители Эгины, расположенной поблизости от побережья Аттики, долгое время находились в непримиримой вражде с афинянами. В 457/6 г. до н. э. Перикл сумел покорить Эгину, принудив ее к вступлению в Афинский морской союз [Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976. С. 248].

¹⁹ О частых разорениях Сардинии морскими разбойниками сообщает Дион Кассий [Dio Cassius. Hist. Rom. LV, 28]; кроме того, Плутарх в своем жизнеописании Помпея говорит о том, как тот очистил от пиратов весь район Тирренского моря, в том числе и Сардинию [Plut. Pomp. 26, 4]. Однако не исключено, что Михаил Хониат в данном случае не основывается на античной традиции, а исходит из современных ему реалий: в таком случае упоминание о Сардинии связано лишь с географической близостью этого острова к родным городам разорявших Аттику итальянских пиратов (в частности, Генуе).

- ²⁰ Эпименид — греческий мудрец и провидец VII в. до н. э. Его высказывание относительно Мунихии приводит Плутарх в своем жизнеописании Солона [Plut. Sol. 12, 10].
- ²¹ Речь идет о событиях Ламийской войны (323–322 гг. до н. э.), в результате которой в укреплении Пирея был водворен македонский гарнизон, и затем Второй войны диадохов 319–315 гг. до н. э. Подробнее см.: *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 47–54.
- ²² Паралы (πάραλοι), педиеи (πεδιεῖς) и диакрии (διάκριοι) — три соперничавших между собой группировки в афинском государстве архаического периода. Названия этих группировок указывают на их связь с территориальным делением Аттики (прибрежная полоса, равнина и горы), однако точные границы каждого из регионов, равно как и наличие в их противостоянии какого-либо социально-экономического подтекста, являются предметом дискуссии (подробнее см. в частности: *Зельин К.К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э. М., 1964. С. 93–114). Упоминания о разделении страны на паралов, педиеев и диакриев встречаются в ряде источников (как античных, так и средневековых), однако заслуживает внимания использованная Михаилом Хониатом форма παράλοι (род. п. παραλίων) вместо более обычного πάραλοι: из числа изданий, учтенных в TLG, такое чтение принято лишь в сочинении Плутарха «Наставления в государственных делах» [Plut. Praecept. polit. P. 805 Stephanus], а также в схолиях к комедиям Аристофана [Scholia in Vespas, Pacem, Aves et Lysistratam / Ed. W.J.W. Koster. Groninge, 1978 [Scholia in Aristophanem 2.1]. Sch. vesp. 1223].